

ника престола. Этот род дневника относится к 1837 г. Он написан для Жуковского и был ему впоследствии подарен.³⁸

«Кому не известны гонения на Н. И. Новикова. Князь Прозоровский угрожал Катерине Романовне Дашковой, злобствовавшей на Новикова за то, что он в типографии своей напечатал в 6 недель словарь Чулкова о внутренней в России торговле, где, чем и в которое время существуют ярмарки, бывают съезжие торги, дневные, недельные и т. д. (книга и поныне еще полезная, а тогда единственная), которую Чулков поднес императрице. Государыня милостиво удостоила принять посвящение ей книги, тотчас наградила сочинителя собственною из своих рук золотою большою табакеркою, наполненною червонцами, и повелела президенту Российской Академии наук немедленно напечатать книгу за счет казны в пользу сочинителя. Чулков был в это время придворным актером. За что княгиня К. Р. Дашкова не благоволила к Чулкову, мне неизвестно, но три года книга его валялась в Академии и напечатать ее не было соизволения Романовны. Одни говорили: она злобствовала за то, что Чулков сочинение свое осмелился помимо ее представить государыне. *La cronique scandaleuse en parle autrement*, что Чулков не пошел к Романовне ее утешить. Я знал Чулкова, когда он был уже обер-секретарем Сената в Московских департаментах... Вы спросите — да Новиков как замешался? Чулков, видев сочинение свое, обреченное Романовною валяться в прахе на полу, быть съеденным крысами, взял из театра отпуск, приехал в Москву. Новиков напечатал ему сочинение его; Чулков схватил 5—6 экземпляров, поспекал в Петербург и поднес напечатанное сочинение императрице. Государыня, приняв книгу, изволила сказать: „Ну, насилу-то Катерина Романовна поворотилась, — я три года ждала твоего сочинения“. Чулков упал на колени: „Виноват, всемилостивейшая государыня, я напечатал книгу на свой счет в вольной типографии“. — „Где?“ — спросила Екатерина. — „В Москве, в типографии Новикова“. — „В какое время?“ — „В 6 недель, ваше величество; я для этого отпуск испросил“. — „Спасибо тебе, Чулков, — ты меня утешил“, — изволила сказать государыня. Еще пожаловала ему награждение и, отпуская Чулкова, милостиво сказала ему: „Чулков, ты годишься и на лучшее дело, нежели быть скоморохом. Ты бы вступил в службу гражданскую“, Чулков, ободренный милостивым ласковым словом государыни, не замедлил расстаться с театром и из гистриона превратился в преполезного и почтенного обер-секретаря Сената.

По сравнению с этой ранней, окончательная версия рассказа А. М. Тургенева, напечатанная в «Русской старине» и пересказанная выше, отличается некоторым количеством «правдоподобных» уточнений: пазваны имя и отчество Чулкова (ошибочно — Михаил Петрович), объяснена однозначно причина недоброжелательства Дашковой и т. п. Сравнение редакций показывает, что Тургенев нечетко представлял разницу между «Историей коммерции», «Словарем учрежденных в России ярмарок» и «Новым и полным словарем Российского государства...» Л. М. Максимовича, куда «Словарь» Чулкова попал в порядке контрафакции. Из этих книг только «Словарь» Максимовича полностью печатался у Новикова в годы, близкие к процессу мартинистов.³⁹

³⁸ Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907, отд. II, с. 8—37; приводимый ниже отрывок — на с. 24—25; сведения об истории текста в предисловии К. Я. Грота «В. А. Жуковский в Москве в 1837 году».

³⁹ Новый и полный словарь Российского государства... Ч. 1—6, М., Унив. типогр., у Н. Новикова, 1788—1789. «Словарь ярмарок» напечатан в 4-й и 6-й частях с отдельной пагинацией.